

На правах рукописи

Столярчук Михаил Владимирович

НОМИНАЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Москва – 2026

Диссертация выполнена в Федеральном государственном научно-исследовательском учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель **Беляева Ольга Александровна**,
доктор юридических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник отдела
финансового, налогового и бюджетного
законодательства ФГНИУ «Институт
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации»

Официальные оппоненты **Карелина Светлана Александровна**
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского
права юридического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Кантор Наталья Евгеньевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
предпринимательского и корпоративного права
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)»

Ведущая организация ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Защита диссертации состоится «06» апреля 2026 года в 11 час. 00 мин.
на заседании диссертационного совета 02.1.002.004, созданного на базе
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации», по адресу: 117218, Москва,
ул. Большая Черемушкинская, д. 34, зал ученого совета, 5 этаж, каб. 505.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном
сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации – www.izak.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор юридических наук

И.А. Хаванова

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Активное участие граждан и юридических лиц в гражданском обороте неразрывно связано с риском несостоятельности и последующим несением негативных последствий принимаемых ими неразумных и (или) недобросовестных решений. Так, применительно к юридическому лицу его контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности; в свою очередь, граждане в случае совершения сделок во вред кредиторам рискуют не добиться цели законного списания долгов перед кредиторами.

В указанных условиях перед будущими должниками и контролируемыми лицами открывается два возможных направления минимизации издержек. При первом должник проявляет должную степень осмотрительности в выборе контрагентов, ограничивает себя в совершении высокорисковых операций, а при возникновении признаков имущественного кризиса своевременно раскрывает информацию об этом перед кредиторами для разработки финансово-экономического плана. Второй вариант развития событий заключается в заблаговременной организации мероприятий, направленных на проведение контролируемой процедуры несостоятельности.

К сожалению, нередко участники гражданского оборота идут вторым путем и для реализации своих мотивов используют третьих лиц, выполняющих роль ширмы, осложняющей установление истинного смысла и конечных выгодоприобретателей соответствующих действий.

Сказанное подтверждается тем, что при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) всё чаще поднимаются вопросы о наличии реальных полномочий по распоряжению активами у лиц, обладающих статусом генерального директора, акционера (участника) общества или собственника имущества, ранее отчужденного должником. Так, в практике арбитражных судов кассационных инстанций нередко находят отражение понятия подставного лица, подставного директора, подставной фирмы, формального (титульного) собственника, номинального собственника,

дружественного кредитора и пр. Среди респондентов социологического опроса, проведенного автором, 85,7 % специалистов в сфере несостоятельности встречали в практике или использовали в правовых позициях указанные категории.

Верховным Судом Российской Федерации данная проблема была затронута в п. 6 постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», в котором фигурирует категория «номинальный руководитель», и в отдельных определениях, посвященных явлению мнимых собственников¹.

В подобных ситуациях перед судом, арбитражным управляющим и коллективным сообществом кредиторов встает ряд вопросов практического и теоретического характера. Какими понятиями следует оперировать, чтобы позиция кредитора или выводы суда были ясными и не допускающими двоякого толкования? Какой набор доказательств будет достаточным для признания лица номинальным руководителем или мнимым собственником? Какие средства защиты гражданских прав наиболее эффективны для защиты интересов кредиторов, с одной стороны, и для опровержения обвинения — с другой? Эти и другие проблемы до настоящего момента не нашли полного разрешения в разъяснениях судов высших инстанций и трудах представителей цивилистической науки.

В свете изложенного выбранная тема диссертационного исследования является актуальной с точки зрения как развития науки гражданского права, так и совершенствования законодательства, улучшения практики применения Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Степень научной разработанности темы исследования.
В отечественной правовой доктрине так называемым подставным лицам

¹ См.: определения Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2); от 06.03.2024 № 305-ЭС20-20127(20).

большое внимание уделяется в уголовно-правовой науке, что подтверждается наличием ряда диссертационных исследований² и научных статей³.

В сфере частного права вопросы формального дистанцирования должника (контролирующего лица) от активов разработаны в меньшей степени.

Упоминания недобросовестных действий обнаруживаются в трудах представителей дореволюционной (А. Х. Гольмстен, Д. Д. Гримм, Н. Л. Дювернуа, В. Г. Федоров, Г. Ф. Шершеневич и др.), и современной цивилистики (Т. В. Дерюгина, С. С. Галкин, А. В. Егоров, Н. Е. Кантор, С. А. Карелина, А. Р. Николаев, Д. О. Османова, О. А. Рузакова, Е. Д. Суворов, А. П. Ходаковский, И. М. Шевченко, Т. П. Шишмарева, Л. А. Чеговадзе, И. С. Чупрунов).

Обращения к данным явлениям в диссертационных исследованиях, посвященных пределам осуществления гражданских прав⁴, злоупотреблениям при банкротстве в целом⁵, институтам субсидиарной ответственности⁶ или оспаривания сделок⁷ носят частичный характер, они не рассмотрены в комплексе.

² См., например: *Карнова Е. Г.* Квалификация и предупреждение преступлений, совершаемых путем использования подставных лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2022 ; *Рожавский З. Д.* Преступления, совершаемые с использованием фирм-однодневок: механизм и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018 ; *Зенкин А. Н.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным захватом («недружественным поглощением») организаций с использованием подложных документов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

³ См., например: *Яни П. С.* Образование юридического лица через подставных лиц // *Законность.* 2014. № 5. С. 35–39 ; *Ермаков С. В.* Уголовная ответственность за незаконное образование юридического лица через подставных лиц и незаконное использование документов (статьи 173.1, 173.2 УК РФ) // *Вестник Московского университета МВД России.* 2012. № 5. С. 126–129 ; *Багаутдинов Ф. Н., Мирзанурова Н. М.* Создание фирм через подставных лиц // *Законность.* 2015. № 6. С. 24–26.

⁴ См.: *Дерюгина Т. В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2010. 437 с.

⁵ См.: *Османова Д. О.* Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.

⁶ См., например: *Демьянова М. В.* Принцип добросовестности в корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 184–186 ; *Быканов Д. Д.* «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 42 ; *Артемова А. Н.* Злоупотребление правом на управление

В целом следует констатировать отсутствие работ, в которых действия должников по использованию третьих лиц для целей формального дистанцирования от активов на случай несостоятельности (банкротства) рассматривались бы комплексно.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в формировании научного представления о номинальных участниках процедуры банкротства посредством комплексного анализа законодательства, научной литературы и судебной практики.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

— исследовать историю возникновения и развития различных видов номинальных участников процедуры банкротства в рамках отечественного правопорядка;

— определить правовую природу взаимоотношений между конечным выгодоприобретателем и номинальным участником процедуры банкротства;

— провести классификацию номинальных участников процедуры банкротства;

— сформулировать признаки и определение обобщающей категории номинальных участников процедуры банкротства;

— разработать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе недобросовестного взаимодействия должников (конечных выгодоприобретателей юридических лиц) и номинальных участников процедуры банкротства, основной целью которого являются сокрытие имущества от обращения взыскания со стороны

корпорацией со стороны контролирующих ее лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2022. С. 103–104.

⁷ См., например: *Калугин В. Ю.* Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 175 с.; *Рыков Д. А.* Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 185 с.; *Циндяйкина А. Э.* Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 29 с.

кредиторов и минимизация рисков наступления гражданско-правовой ответственности.

Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства, специального законодательства о несостоятельности (банкротстве), прямо либо косвенно затрагивающие различные аспекты использования номинальных участников процедуры банкротства, а также основополагающие идеи, отраженные в научной литературе по исследуемой тематике.

Методологическая основа исследования представлена общенаучными методами, среди которых формально-логический метод для целей определения понятий и их признаков, исторический метод для исследования генезиса правовой квалификации действий должника по минимизации рисков собственного банкротства (банкротства учрежденного юридического лица), с помощью метода аналогии рассмотрены подходы различных отраслей законодательства к использованию подставных лиц. Посредством метода дедукции сформулировано понимание номинальности при банкротстве как одного из проявлений номинальности, имеющей межотраслевой характер. При проведении социологического опроса по теме диссертационного исследования среди юристов, практикующих в сфере несостоятельности (арбитражные управляющие, юристы и сотрудники консалтинговых фирм), автором использован метод научного анкетирования.

Применение специальных методов правовой науки позволило проанализировать имеющиеся понятия, в той или иной мере характеризующие лиц, содействующих должнику в минимизации рисков возникновения негативных последствий банкротства (формально-юридический метод), сформулировать предложения по изменению действующего законодательства и правоприменительной практики (метод правового моделирования).

Теоретическую основу диссертационного исследования составили работы представителей дореволюционной (А. Х. Гольмстен, Д. Д. Гримм,

Н. Л. Дювернуа, Д. И. Мейер, В. Г. Федоров, Г. Ф. Шершеневич, П. П. Цитович и др.), советской (М.М. Агарков, С. Н. Братусь, И. Б. Новицкий, В. А. Рясенцев) и современной юридической мысли (Т. В. Дерюгина, О. В. Гутников, О. А. Беляева, А. В. Габов, А. В. Егоров, О. Р. Зайцев, С. А. Карелина, Р. Т. Мифтахутдинов, Д. О. Османова, В. Ф. Попондопуло, О.А. Рузакова, С. А. Сеницын, К. И. Скловский, Е. Д. Суворов, Е. А. Суханов, Д. О. Тузов, М. В. Телюкина, Л.А. Чеговадзе, И. С. Шиткина, Т. П. Шишмарева и др.)

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и подзаконные акты.

Эмпирическая основа представлена правоприменительной практикой, в том числе постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации, определениями Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также судебными актами арбитражных судов, принятыми при рассмотрении споров о несостоятельности (банкротстве).

Научная новизна работы заключается в новых теоретических положениях, которые обосновываются в результате исследования. В работе сформулировано авторское понятие номинальности в процедурах несостоятельности, выделены признаки номинальных участников процедуры банкротства и проведена их классификация, на примере номинальных собственников и номинальных контролирующих лиц обоснованы механизмы их выявления и способы защиты прав кредиторов.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие научные положения:

1. Номинальность в процедурах несостоятельности — формальное обладание определенным лицом правами (правомочиями) и обязанностями лишь для видимости, которое сопровождается совокупностью действий номинального участника процедуры банкротства и конечного

выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного и (или) недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов при банкротстве.

Номинальность в банкротстве является одним из проявлений злоупотребления правом; она характеризуется скоординированными недобросовестными действиями номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, направленными на обеспечение контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и минимизацию для них негативных последствий несостоятельности в ущерб интересам кредиторов. Взаимоотношения конечного выгодоприобретателя и номинального участника процедуры банкротства могут быть облечены в сделку, скрытую от независимых участников гражданского оборота.

2. Номинальный участник процедуры банкротства — лицо, содействующее должнику (конечному выгодоприобретателю) в достижении его противоправной и (или) недобросовестной цели путем закрепления за собой прав (правомочий), обязанностей или иных юридически значимых обстоятельств лишь для видимости. Номинальный участник процедуры банкротства характеризуется следующими признаками: наличие доверительных отношений с должником (конечным выгодоприобретателем); имущественная зависимость от должника (конечного выгодоприобретателя); отсутствие намерения реализовывать принадлежащие ему права (правомочия) по собственному усмотрению.

3. Надлежащим способом защиты прав кредиторов от негативных для них последствий номинальной собственности является предъявление ими или арбитражным управляющим заявления о признании сделки (цепочки

взаимосвязанных сделок), направленной на оформление актива на имя номинального собственника, недействительной.

Оспариваемую сделку (цепочку взаимосвязанных сделок) следует квалифицировать как совершенную в результате злоупотребления правом (ст. 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ).

Защита прав кредиторов от негативного эффекта номинальной собственности должна объединять две группы мер: первая включает получение информации о номинальных собственниках и обеспечение статус-кво в отношении спорного имущества; вторая — определение принадлежности имущества должнику (в форме иска о признании ничтожной сделки (цепочки взаимосвязанных сделок) недействительной).

4. Номинальный собственник, выступающий в роли ответчика по спору об оспаривании сделки, не может быть защищен возражением о пропуске заявителем исковой давности на предъявление к нему требования о признании сделки ничтожной. При всей значимости института исковой давности заявление номинального собственника о применении исковой давности не подлежит защите, поскольку за ним стоит интерес должника в сохранении своего фактического господства над вещью в целях извлечения преимущества из недобросовестного поведения (сговора) номинального собственника и должника.

5. Установление в рамках дела о банкротстве организации факта номинальности контролирующего лица должно осуществляться путем сопоставления существенных признаков, характеризующих формальность занятия ответчиком должности руководителя, участника должника, главного бухгалтера, и внешних, дающих представление о личности ответчика (образование, уровень дохода, финансовая зависимость от бенефициаров должника и пр.). Комплекс мероприятий, направленных на установление номинального контролирующего лица, должен включать в себя предварительную проверку и основной процесс доказывания номинальности.

Привлечение номинального контролирующего лица к субсидиарной ответственности не является самоцелью кредиторов, поскольку в большинстве случаев номинальные контролирующие лица не имеют имущества, на которое может быть обращено взыскание. Это средство (промежуточный этап) достижения иной цели — установления фигуры конечного выгодоприобретателя.

6. Перечень условий уменьшения размера или освобождения от ответственности номинального контролирующего лица должен быть дополнен исследованием обстоятельств наделения статусом руководителя, участника (учредителя) или главного бухгалтера юридического лица и его социально-экономической характеристики. При этом привлечение номинального контролирующего лица к ответственности в полном объеме наравне с конечными бенефициарами должно носить исключительный характер.

Предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

На основе проведенного исследования и полученных результатов сформулированы следующие направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве):

1. Разрешение судом вопроса о размере субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица должно сопровождаться установлением у такого лица наличия реальной возможности раскрыть сведения о конечном выгодоприобретателе и (или) его имуществе, а также исследованием обстоятельств принятия номинальным контролирующим лицом соответствующего статуса.

В связи с этим предлагается дополнить п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве нормой, закрепляющей право суда по собственной инициативе исключить или уменьшить размер субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица в случаях, если из обстоятельств дела

явно следует, что номинальное контролирующее лицо не имеет реальной возможности раскрыть сведения о конечном выгодоприобретателе должника и (или) его имуществе, а равно если оно стало учредителем (участником) юридического лица, руководителем номинально в силу стечения сложных жизненных обстоятельств или помимо своей воли под влиянием принуждения в форме насилия или угрозы.

2. При поступлении в арбитражный суд заявления финансового управляющего или кредитора о принятии обеспечительных мер в отношении имущества нескольких номинальных собственников каждое из таких требований подлежит выделению в отдельное производство с извещением лица, в отношении которого принимаются обеспечительные меры, и проведением судебного заседания.

3. Предлагается дополнить Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» разъяснением, позволяющим судам при рассмотрении заявлений о признании сделок ничтожными отказывать должнику и ответчикам в применении объективного десятилетнего срока исковой давности в том случае, если из обстоятельств дела следует, что ответчик (номинальный собственник) с момента формальной регистрации актива на свое имя не реализовывал права собственника, полностью передоверил полномочия собственника должнику.

Теоретическая и практическая значимость.

Теоретическая значимость состоит в формировании категории номинальности физических лиц и ее проявлениях при несостоятельности (банкротстве), а также в определении способов защиты прав кредиторов от негативных последствий недобросовестных действий номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя.

Практическая значимость работы заключается в том, что содержащиеся в ней выводы могут быть использованы при подготовке проектов

нормативных правовых актов, направленных на совершенствование законодательства в области несостоятельности (банкротства), а также в правоприменительной деятельности при разрешении споров в этой сфере.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и обсуждена на совместном заседании кафедры и центра частного права Института.

Основные положения диссертационного исследования получили отражение в пяти статьях, которые опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также в следующих докладах на всероссийских научно-практических конференциях:

1) «Несовершеннолетние как номинальные собственники на случай несостоятельности (банкротства)» (I Всероссийский научный симпозиум «Рясенцевские чтения» «Современное гражданское и семейное право: Перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики»; 16-17 февраля 2023 г., Университет имени О.Е. Кутафина);

2) «Правовая квалификация соглашения между должником и номинальным собственником» (XI Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук)»; 28 февраля 2024 г., ИЗиСП);

3) «Номинальные участники торгов при несостоятельности» (Научно-практическая конференция в честь 100-летия главного научного сотрудника ИЗиСП, профессора Н.И. Клейн «Современное конкурентное право: вызовы, проблемы, решения»; 13 ноября 2024 г., ИЗиСП);

4) «Проблемные аспекты рассмотрения обеспечительных мер в отношении номинальных собственников» (IX Студенческий юридический форум; 14–16 ноября 2024 г., Университет имени О.Е. Кутафина);

5) «Условия уменьшения размера субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц» (XII Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Систематизация законодательства: от устоявшихся концепций к современным новациям», приуроченное к 100-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Самощенко; 6 марта 2025 г., ИЗиСП).

Структура диссертации обусловлена кругом обозначенных проблем, целью и задачами исследования, состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** соискателем обоснована актуальность темы исследования, раскрыта степень её научной разработанности, определены цель и задачи исследования, методологическая основа исследования, научная новизна исследования, приведены положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, указаны сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава **«Номинальность как одно из проявлений злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве)»** структурно разделена на три параграфа.

В первом параграфе **«Философское и правовое понимание недопустимости использования личности в качестве средства достижения противоправной или недобросовестной цели»** автором рассматривается вопрос о допустимости практик, при которых одно лицо использует другое в качестве «средства» для достижения своей противоправной или недобросовестной цели, а последнее позволяет первому использовать свое «имя» (как с точки зрения философии, так и с позиции права).

Основываясь на постулатах зарубежных и отечественных философов, предложено исходить из двух положений. Во-первых, каждая личность ценна сама по себе, поскольку несет в себе совокупность культурных, социальных и психологических особенностей. За каждым надлежит признавать право на уважение достоинства; не следует даже допускать самой мысли о том, что можно использовать другого в качестве средства для достижения собственных целей. Во-вторых, базовой целью существования личности выступают осознание и реализация своего творческого потенциала в широком смысле. Таким образом, с точки зрения философии использование третьих лиц для целей достижения собственных целей является недопустимым.

В свою очередь, при разработке законопроектов, рассмотрении дел в суде и написании правовых позиций необходимо исходить из приоритета уважения достоинства личности. Указанный подход предполагает, что если интерес одного лица состоит в использовании другого (имени другого) для реализации своего противоправного или недобросовестного интереса (налоговой оптимизации, обхода антикоррупционного законодательства или минимизации рисков собственного банкротства), а другое лицо соглашается принять на себя соответствующую роль, то правопорядок не должен одобрять подобные практики. Доктрина частного права исходит из того, что защите подлежит только такой интерес, который выражается в стремлении гражданина пользоваться предоставленными правами, не допуская при этом выхода за пределы осуществления гражданских прав или злоупотребления правом, а также извлечения преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения.

С учетом вышесказанного интересы конечного выгодоприобретателя и номинального участника процедуры банкротства не могут получить защиту правопорядка в силу следующего.

Интерес первого лица состоит в сокрытии активов от обращения взыскания со стороны кредиторов или в минимизации рисков предпринимательской деятельности путем переложения ответственности на третье лицо. Такой интерес не может получить в последующем защиту со стороны правопорядка, поскольку лицо изначально создает условия нарушения прав кредиторов.

Интерес номинального участника процедуры банкротства является разноплановым. Изначально лицо может преследовать цель собственного финансового благополучия, улучшения материального положения членов своей семьи и создания благоприятных условий для занятия предпринимательской деятельностью. Следующие за указанной целью действия, направленные на введение в заблуждение кредиторов и причинение им вреда, не позволяют признавать интерес правомерным,

поскольку номинальный участник процедуры банкротства становится соучастником недобросовестных или противоправных действий конечного выгодоприобретателя.

При столкновении интересов указанных субъектов причиняется вред сразу нескольким группам кредиторов.

Первая группа может быть представлена кредиторами должника — юридического лица, которые полагают, что в случае наступления его несостоятельности по долгам будут отвечать его контролирующие лица. Однако только в процессе рассмотрения дела о несостоятельности может быть обнаружено, что указанные лица лишь выполняли волю конечных бенефициаров. Это, в свою очередь, вынуждает кредиторов к совершению дополнительных действий, направленных на возврат активов должника, что в условиях ограниченных временных ресурсов снижает эффективность подобного рода мероприятий.

Вторая группа включает кредиторов конечного выгодоприобретателя, за которым могут числиться незначительные активы. Для того чтобы доказать принадлежность актива, числящегося за номинальным участником, кредиторам конечного выгодоприобретателя также следует приложить дополнительные усилия.

Наконец, третья группа — это кредиторы номинального участника процедуры банкротства, которые полагают, что их требования могут быть удовлетворены за счет его имущества. Вероятность погашения задолженности перед ними уменьшается при банкротстве конечного выгодоприобретателя (например, в случае оспаривания сделки и применении последствий ее недействительности в виде возврата имущества в конкурсную массу конечного выгодоприобретателя).

Факт причинения вреда трем указанным группам кредиторов позволяет прийти к выводу о том, что подобный выход за пределы осуществления гражданских прав является злоупотреблением правом со стороны всех действующих субъектов. Следовательно, номинальность можно

рассматривать в качестве одного из проявлений злоупотребления при банкротстве. Иная квалификация рассматриваемых отношений не представляется возможной, поскольку достижение цели, поставленной лицом, может достигаться другими (правомерными) способами.

Во втором параграфе **«Генезис правовой квалификации действий должника по использованию третьих лиц на случай несостоятельности (банкротства)»** отмечается, что использование третьих лиц в целях минимизации рисков гражданско-правовой ответственности (как перед личными кредиторами, так и перед кредиторами учрежденного юридического лица) берет свое начало с момента активного развития отношений несостоятельности (банкротства). На рубеже XVII-XVIII вв. в тексте правовых актов упоминаются недобросовестные действия должников. Вопросы правовой квалификации таких действий, в силу особенностей правового регулирования отношений несостоятельности, сначала находят косвенное отражение в предписаниях уголовно-правовой направленности (например, в виде наказуемости юридического сокрытия имущества), несколько позднее – в частном праве.

Наиболее распространенными действиями должника, направленными на причинение вреда имущественным правам кредиторов с использованием третьих лиц, следует признать создание номинальных кредиторов, номинальных контролирующих лиц и лиц, формально принимающих на свое имя активы должника.

Анализ исторического материала показал наличие преемственности правовых подходов дореволюционной юридической мысли, современной доктрины и практики (наиболее отчетливо это выразилось в характеристике лиц, содействующих должнику в совершении недобросовестных действий).

В третьем параграфе **«Понятие и признаки номинальности для целей несостоятельности (банкротства)»** предложено использовать категорию номинальности в процедурах несостоятельности, под которой понимается формальное обладание определенным лицом правами

(правамочиями) и обязанностями лишь для видимости, которое сопровождается совокупностью действий номинального участника процедуры банкротства и конечного выгодоприобретателя, совершаемых под контролем и в интересах последнего, направленных на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного и (или) недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов при банкротстве.

Номинальность в банкротстве обладает спецификой, определяемой направленностью отношений несостоятельности.

В отношениях номинальности отчетливо выделяются два действующих субъекта. Первым выступает лицо, заинтересованное в формальном дистанцировании от актива при одновременном получении материальной или иной выгоды (конечный выгодоприобретатель). Вторым субъектом является непосредственный исполнитель воли конечного выгодоприобретателя (номинальный участник процедуры банкротства). Как показывает судебная практика, в большинстве случаев роль номинальных фигур выполняют родственники конечного выгодоприобретателя, лица без образования и опыта управления юридическими лицами, граждане, выступающие руководителями сразу нескольких обществ, а равно лица с низким уровнем дохода.

Номинальные участники процедуры банкротства создаются для контроля за процедурой банкротства конечного выгодоприобретателя (выступающего в роли должника) или принадлежащего ему юридического лица и, как следствие, для минимизации негативных последствий несостоятельности (выражающихся в обращении взыскания на имущество конечного выгодоприобретателя или привлечении к субсидиарной ответственности).

Достижение отмеченных целей возможно при одновременном соблюдении следующих условий: (1) формально-юридическое

дистанцирование конечного выгодоприобретателя от актива и (2) осуществление контроля за деятельностью номинального участника.

Рассматриваемые действия, направленные на минимизацию рисков несостоятельности, являются *выходом за пределы осуществления гражданских прав* (как со стороны номинального участника процедуры банкротства, так и со стороны конечного выгодоприобретателя), и направлены на достижение противоправной и (или) недобросовестной цели путем извлечения преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения в ущерб интересам кредиторов, поскольку институт несостоятельности (банкротства) используется в противоречии с его назначением, а восстановление нарушенных прав кредиторов должника затрудняется необходимостью доказывания статуса номинального участника процедуры банкротства у конкретного лица.

Вторая глава **«Номинальные собственники»** структурно разделена на три параграфа.

В первом параграфе **«Общие положения о действиях должника, направленных на увод актива с помощью номинальных собственников»** действия должника, направленные на увод активов с помощью номинальных собственников, противопоставляются стандартной поведенческой модели добросовестного участника гражданского оборота, при которой последний отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом и вправе претендовать на применение к нему правила об освобождении от долгов.

Явление номинальной собственности представляет собой значительное отступление от описанной выше модели поведения. Осознавая риски обращения взыскания на имущество, должник системно подходит к вопросу их минимизации. Для достижения указанной цели между должником и номинальным собственником достигается соглашение о порядке приобретения и пользования активом, после – совершается сделка по отчуждению (приобретению) актива в пользу номинального собственника.

В результате оформления имущества на номинальных собственников на дату открытия процедуры банкротства должник фактически располагает двумя имущественными массами: первая известна кредиторам, но изначально недостаточна для погашения их требований; вторая скрыта от них и представляет собой своего рода «подушку безопасности» должника (не исключено, что номинальных собственников может быть несколько). Подобное положение дел несовместимо с действующим законодательством, которое не содержит правовой конструкции, при которой дружественное должнику лицо принимает на свое имя активы с целью защиты от притязаний кредиторов должника. Конструкция права собственности, закрепленная в ст. 209 ГК РФ, предполагает, что собственник может быть только один. Наличие у одной вещи двух собственников (одного формального и второго фактического) не допускается.

В подавляющем большинстве случаев использование номинальных собственников может выражаться в действиях, совершаемых с целью формальной регистрации имущества на номинальных собственников с сохранением за должником фактической возможности пользования вещью (получения дохода от ее эксплуатации и пр.). Однако не исключается также использование фигуры номинального арендатора, заключающего договор аренды земельного участка, на котором впоследствии будет возведено здание за счет средств должника или будут вестись сельскохозяйственные работы, прибыль от которых будет получать должник. В равной степени допустима ситуация выдачи займа за счет денежных средств должника номинальным собственником. Указанные примеры подчеркивают условность используемой терминологии.

Во втором параграфе **«Способы выявления номинальных собственников и защита интересов кредиторов»** автор исходил, во-первых, из открытости перечня способов защиты гражданских прав, предполагающего возможность выхода за очерченный в ст. 12 ГК РФ список, во-вторых, из вариативности известных способов защиты для кредиторов,

что предусматривает невозможность отказа в защите права по причине выбора способа, отличного от предписанного позитивным правом.

Аргументировано, что защита прав кредиторов от негативного эффекта номинальной собственности должна объединять две группы мер: первая включает получение информации о номинальных собственниках и обеспечение статус-кво в отношении спорного имущества; вторая — определение принадлежности имущества должнику (в форме иска о признании ничтожной сделки (цепочки взаимосвязанных сделок) недействительной).

По результатам рассмотрения нескольких способов защиты (признание номинального собственника косвенным представителем должника; истребование спорного актива из чужого незаконного владения номинального собственника; субсидиарная ответственность номинального собственника по обязательствам должника) сделан вывод о том, что наиболее эффективным способом защиты выступает предъявление финансовым управляющим или кредитором заявления о признании сделки недействительной.

Предложено исходить из того, что оспариванию подлежит сделка (цепочка взаимосвязанных сделок), направленная на отчуждение (приобретение) актива в пользу номинального собственника. Подобную сделку (цепочку взаимосвязанных сделок) предлагается рассматривать как совершенную со злоупотреблением правом (ст. 10 и 168 ГК РФ).

Рассмотрен вопрос соотношения интересов кредиторов действительного и номинального собственников, при разрешении которого предложено исходить из следующего: если процедура банкротства возбуждается в отношении номинального собственника, его кредиторы не должны быть связаны притязаниями действительного собственника (в какой бы форме они ни были заявлены), который не пребывает в состоянии имущественного кризиса. В случае открытия процедур банкротства в отношении номинального и действительного собственников кредиторы

последнего, воспользовавшись правом на предъявление заявления о признании сделки ничтожной, могут заявить о своих притязаниях в деле номинального собственника и в последующем изъять актив из его конкурсной массы. При изъятии имущества номинального собственника в конкурсную массу действительного предлагается рассмотреть возможность оставления за кредиторами номинального собственника права на предъявление к действительному собственнику требования о возмещении вреда, причиненного его совместными с номинальным собственником действиями (ст. 1080 ГК РФ).

В третьем параграфе **«Применение исковой давности к заявлениям о признании недействительными сделок с номинальными собственниками»** рассмотрена проблема применения правил об объективном 10 – летнем сроке исковой давности к заявлениям о признании недействительными сделок должника с номинальными собственниками. При рассмотрении данного вопроса соискатель предлагает исходить из допустимости отказа в применении исковой давности по причине злоупотребления правом. При всей значимости института исковой давности заявление номинального собственника о применении исковой давности не подлежит защите, поскольку за ним стоит интерес должника в сохранении фактического господства над вещью за собой.

Третья глава диссертационного исследования **«Номинальные контролирующие лица»** структурно разделена на два параграфа.

В первом параграфе **«Понятие, признаки и цели использования номинального контролирующего лица»** под номинальными контролирующими лицами предлагается понимать лиц, используемых конечными бенефициарами компаний (групп компаний) для целей минимизации рисков привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, которые не намерены и не имеют реальной возможности оказывать влияние на ключевые управленческие решения. К

номинальным контролирующим лицам могут быть отнесены участники (учредители), руководители, главные бухгалтеры юридического лица.

Признаки номинального контролирующего лица предложено условно разделить на две группы: 1) сущностные признаки, характеризующие формальность занятия ответчиком должности руководителя или участника должника (допускается существование фигуры номинального главного бухгалтера); 2) внешние признаки, характеризующие личность ответчика (образование, уровень дохода, финансовая зависимость от бенефициаров должника и пр.).

Основной проблемой, связанной с номинальными контролирующими лицами, является проблема их выявления в рамках дела о банкротстве, ведь в процессе обычной хозяйственной деятельности они не раскрывают своего реального статуса иным участникам оборота. Закон о банкротстве и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации не дают прямого ответа на вопрос о порядке действий кредиторов и арбитражного управляющего для разрешения указанной проблемы. По этой причине соискателем предлагается комплекс мероприятий, состоящий из предварительной проверки и основного процесса доказывания номинальности.

Во втором параграфе **«Определение размера ответственности номинальных контролирующих лиц»** номинальное контролирующее лицо рассматривается в качестве соучастника гражданского правонарушения.

При раскрытии вопроса о субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц указывается, что арбитражный управляющий и кредиторы должны преследовать цель максимального наполнения конкурсной массы, которая не всегда достигается привлечением к субсидиарной ответственности номинального контролирующего лица, не имеющего имущества для покрытия неудовлетворенных требований кредиторов. Следовательно, приоритетом заявителей по спору о привлечении к субсидиарной ответственности должно стать максимальное взаимодействие

с ответчиком – номинальным директором (участником). В свою очередь, суд, рассматривающий обособленный спор, должен принимать активные шаги по содействию в сборе доказательств, изобличающих фигуру конечного бенефициара, и более тщательно подходить к вопросу освобождения от субсидиарной ответственности или уменьшения ее размера.

Подчеркивается, что законом и судебной практикой не очерчены границы между освобождением от субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц и уменьшением ее размера, не детализированы критерии уменьшения размера субсидиарной ответственности. Имеющаяся судебная практика позволяет констатировать хаотичность и отсутствие четких правил определения размера ответственности номинальных контролирующих лиц. По причине изложенного следует уточнить имеющийся перечень условий уменьшения размера субсидиарной ответственности номинальных контролирующих лиц или освобождения от нее.

В заключении сделаны выводы диссертационного исследования, сформулировано комплексное представление автора о номинальных участниках процедуры банкротства и способах защиты прав кредиторов.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в научных публикациях автора в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук:

1. Столярчук М.В. Понятие и квалифицирующие признаки номинальности в банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2 (105). С. 77-83.

2. Столярчук М.В. Отказ в применении срока исковой давности в качестве санкции за формальную регистрацию актива на имя номинального собственника (Комментарий к определению Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2024 № 305-ЭС20-20127 (20)) // Вестник арбитражной практики. 2024. № 3 (112). С. 95-103.

3. Столярчук М.В. Соотношение интересов кредиторов действительного и номинального собственников при банкротстве // Цивилист. 2024. № 3 (49). С. 24-31.

4. Столярчук М.В. Генезис правовой квалификации действий должника по сокрытию имущества с использованием третьих лиц // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 3 (55). С. 92-105.

5. Столярчук М.В. О признаках номинального руководителя должника (комментарий к определению Верховного Суда Российской Федерации от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249 (2,3)) // Бизнес, менеджмент и право. 2024. № 4 (64). С. 98-102.

Иные публикации:

1. Столярчук М.В. Субсидиарная ответственность конечного выгодоприобретателя за непередачу номинальным руководителем документации конкурсному управляющему должника // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 30 / отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын; Институт

законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: Инфотропик Медиа, 2024. С. 70-81.